

ном поведения, с законами совести и чести. А ведь просмотр мультфильмов, наряду с другими механизмами воздействия на сознание

детей, ведёт к формированию языковой личности ребёнка, к конструированию его вербального и невербального поведения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

«Бал принцессы» — В. 1; «Неожиданное событие» — В. 2; «Поселение Пикси» — В. 3; «Сила Чармикса» — В. 4; «Зеркало правды» — В. 5; «Море страха» — В. 6; «Предательский бал» — В. 7; «Новое начало» — В. 8; «Белый круг» — В. 9; «Опасность на Диких землях» — В. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликаев Р. С., Башиева С. К., Ашинова И. В. Стратификация пола как этно- и социокультурный феномен // Русский язык в полигэтнической среде: состояние и перспективы: Материалы Международной конференции. Нальчик, 2003. С. 5–15.
2. Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. 263 с.
3. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2005. 48 с.
4. Здравомыслова Е., Герасимова Е., Троян Н. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: русские сказки // Преобразование: Феминистский журнал. 1998. № 6. С. 65–78.
5. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
6. Пропп В. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

REFERENCES

1. Alikayev R. S., Bashieva S. K., Ashinova I. V. Stratifikatsija pola kak etno- i sotsiokul'turnyj fenomen // Russkij jazyk v polijetnicheskoj srede: sostojanie i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoj konferentsii. Nal'chik, 2003. S. 5–15.
2. Gender dlja «chajnikov». M.: Zven'ja, 2006. 263 s.
3. Gritsenko E. S. Jazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Tambov, 2005. 48 s.
4. Zdravomyslova E., Gerasimova E., Trojan N. Gendernye stereotipy v doshkol'noj detskoj literature: russkie skazki // Preobrazhenie: Feministskij zhurnal. 1998. №6. S. 65–78.
5. Krejdlin G. E. Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikatsii. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 224 s.
6. Propp V. Morfologija skazki. L.: Academia, 1928.

A. A. Осипова

«ТЁМНЫЕ МЕСТА» КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена одной из наиболее спорных проблем художественного перевода, связанной с наличием в исходном тексте так называемых «тёмных мест», т. е. фрагментов, труднодоступных для понимания или допускающих неоднозначную интерпретацию. Анализируются взгляды по данному вопросу ряда теоретиков перевода (П.-Д. Юэ, А.Ф. Тайтлер, В. фон Гумбольдт, М.Л. Лозинский и др.). Особое внимание в этой связи уделяется текстам религиозного характера, при передаче которых указанный момент осложняется необходимостью учитывать сакральный характер последних и сложившуюся традицию их презентации.

Ключевые слова: «тёмные места», интерпретация, понимание, перевод, традиция, сакральный.

A. Osipova

“Dark Passages” as the Problem of Translation

The paper deals with one of the most controversial problems of the literary translation – the so-called “dark passages” in the source text. Such passages either are difficult for understanding, or may have different interpretation. The views on this issue of some theorists of translation (P. D. Huet, A. F. Tytler, W. von Humboldt, M. Lozinsky, etc.) are analyzed. A special attention is paid to religious texts. It is emphasized that in their translation the investigated element is complicated by the sacred character of such texts and the existing tradition of their interpretation.

Keywords: “dark passages”, interpretation, understanding, translation, tradition, sacred

Говоря о французской переводческой традиции эпохи классицизма с присущим ей принципом *plaire au lecteur et perfectionner son auteur* («угождать читателю и совершенствовать автора») и демонстрируя те результаты, к которым этот принцип приводил, один из виднейших переводов середины прошлого века Эдмон Кари упомянул в качестве курьёза о некоем из таких «совершенствователей», который, ни много ни мало, в своей версии даже «старался очистить священное писание от всего грубого и неясного», хотя — видимо, испытывая по этому поводу некоторые сомнения, — оговаривал: «Кто знает, может, я грешу против промысла господня... ведь до сих пор господь желал, чтобы его слово было окутано туманом» [5, с. 442].

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько справедливо было суждение процитированного представителя «галантного века» относительно намерений Господа до того, как Его слово стали, исходя из подобной установки, перелагать, нельзя вместе с тем не признать, что затронутая здесь проблема достаточно серьёзна. С одной стороны, как гласило первое правило созданного ещё в 1540 г. трактата Этьена Доле (и как не раз повторяли многие до и после него), «переводчик должен до конца понимать то, что он переводит» [2, с. 258] (чем грозит забвение или пренебрежение этим принципом,

самому Доле, казнённому — во всяком случае, официально — за неверную передачу текста Платона, якобы содержащую ересь, пришлось испытать на себе). С другой стороны, практически у каждого переводчика встречаются случаи, когда те или иные места оригинала действительно представляются «окутанными туманом», что ставит перед ним весьма болезненный вопрос: как донести до читателя то, что не вполне ясно (а иногда практически неясно) самому?

Естественно, в первую очередь, в таких случаях возникает вопрос: являются ли «тёмные места» действительно «тёмными»? Иными словами, идёт ли речь о субъективном недопонимании со стороны переводчика (примеры такого типа многократно описаны в литературе — достаточно вспомнить известную книгу К. Чуковского [11]), или же «темнота» объективна (если это слово вообще можно использовать в данном случае) присуща исходному тексту либо отдельным его фрагментам?

В свою очередь, говоря о последнем моменте (т. е. выводя за скобки некомпетентность или недостаточную квалификацию переводчика), приходится опять-таки учитывать, что упомянутая «объективная темнота» может обуславливаться различными причинами, среди которых отметим две:

1. Изменение исходного языка в связи с его историческим развитием. В этом случае,

при отсутствии достаточных данных как собственно лингвистического, так и эксталингвистического характера, тот или иной элемент текста нередко не получает достаточно убедительной интерпретации. Указанное явление нередко имеет место при так называемом диахроническом переводе, определяемом как «перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи» [7, с. 46].

2. «Темнота» текста либо тех или иных его частей была присуща ему изначально, т. е. носила авторский (в широком смысле слова) характер. Последний при этом может быть вызван как сознательным намерением (что достаточно часто наблюдалось в различные эпохи в поэтическом творчестве), так и различного рода бессознательно-психологическими факторами (примером могут служить пророчества, глоссолалии и т. п. проявления речевой деятельности, нередко связанные с религиозной экзальтацией), в связи с чем один из наших зарубежных коллег не без юмора заметил, что божественное, как и поэтическое, должно быть несколько непонятным (Divinity, like poetry, must be a little vague).

Естественно, что, в зависимости от того, с каким случаем имеет дело переводчик того или другого конкретного текста, стратегия межъязыковой передачи будет различной. Однако, прежде чем переходить к более конкретному рассмотрению данного вопроса, представляется желательным коротко остановиться на том, как трактовалась интересующая нас проблема в истории переводческой мысли. И начать здесь целесообразно с Пьера Даниеля Юэ — одного из крупнейших филологов второй половины XVII — начала XVIII столетия, епископа и члена Французской академии. В опубликованном в 1683 г. латинском трактате “*De optimo genere interpretandi*” («О наилучшем способе перевода»), построенном по восходящей к античности традиции в форме диалога, автор устами своих персонажей (предметом обсуждения которых в значи-

тельной степени являются переводы Библии) отмечает, что «мы не любим переводов, проясняющих тёмные места» [13, с. 88]. Отсюда вытекает позиция, диаметрально противоположная той, которой придерживался упомянутый выше «исправитель» Священного Писания: «Если авторская мысль допускает две интерпретации, она, несомненно, должна быть сохранена именно в таком виде. Двусмысленное слово должно быть передано таким же двусмысленным способом и сама двусмысленность автора должна быть ясно видна в переводе» [13, с. 94].

Спустя более чем столетие оппонентом Юэ (кстати, весьма высоко ценившим его труд) выступил Александр Фрейзер Тайтлер — автор знаменитого (хотя, к сожалению, известного большинству отечественных читателей, в основном, по названию и пересказам отдельных фрагментов) “*Essay on the Principles of Translation*”. (Отметим, в частности, что традиционная буквальная передача этого названия как «Эссе о принципах перевода» не вполне отражает его суть. Согласно «Словарю иностранных слов», эссе — «прозаический этюд, представляющий общие или предварительные соображения о каком-либо предмете или по какому-либо поводу, нередко случайному» [9, с. 593]. Книга же Тайтлера, действительно выросшая из таких «соображений», прочитанных на заседаниях Королевского общества в Эдинбурге, в своём окончательном варианте — весьма солидная монография, опирающаяся на обширный фактический материал и содержащая весьма продуманные и обоснованные теоретические положения).

Формулируя первый и основной принцип перевода следующим образом: “*The Translation should give a complete transcript of the original text*” («Перевод должен полностью передавать мысли оригинала»), автор упомянутого «Эссе» (или, точнее, трактата), продолжает: «Там, где смысл слов автора сомнителен и где один и тот же фрагмент или выражение автора могут толковаться

по-разному (что, кстати, всегда является недостатком сочинения), переводчик должен вынести своё суждение и выбрать то значение, которое более соответствует ходу мыслей данного отрывка в целом или отвечает обычному способу мыслей и их выражения, присущему автору. Было бы ошибкой сохранять темноту или двусмысленность оригинала; и ещё большая ошибка — придавать содержанию более одного значения» [15].

Если использовать терминологию философии Гегеля и квалифицировать воззрения П. Д. Юэ как тезис, а высказывания А. Ф. Тайтлера — как его отрицание (антитезис), то взгляды по интересующему нас вопросу Вильгельма фон Гумбольдта, бывшего современником Гегеля, можно было бы назвать «отрицанием отрицания». Изложенные в его известном предисловии к переводу «Агамемнона», они представляют для нас интерес, в первую очередь, потому, что Гумбольдт не просто излагал свою позицию на проблему «тёмных мест» и их передачи, но и предпринял попытку, во-первых, уточнить само понятие «темноты» и, во-вторых, разграничить её различные типы.

Отмечая, что в принципе он старался в своём переводе «избегать неясности и темноты», автор вместе с тем подчёркивал: «Однако в этом отношении не следует предъявлять неоправданных требований, лишающих текст его высоких достоинств (*höhere Vorzüge*). Перевод не может и не должен быть комментарием. Поэтому в нём не должно быть такой темноты, которая проистекает от небрежного использования слов или их неоправданной связи (*schieler Fügung*); но там, где оригинал только намечает нечто, а не выражает его ясно, где автор позволяет себе прибегнуть к метафоре, значение которой трудно понять, где он опускает связующие звенья мысли (*Mittelideen auslässt*), — то переводчик допустит несправедливость, произвольно внеся от себя ясность, противоречащую характеру текста». И подчёркивая в этой связи, что «темнота», которую можно иногда обнару-

жить в творениях древних авторов, часто неразрывно связана с присущим им и их эпохе способом выражения и что по мере их постижения она постепенно уступит место «высокой понятности» (*hohe Klarheit*), Гумбольдт заключает: «Часть такой внимательности следует уделить и переводу, а отнюдь не требовать, чтобы то, что на языке подлинника величественно и необычно (*riesenhaft und ungewöhnlich ist*), в переводе выглядело бы легким и понятным с первого взгляда (*augenblicklich faßlich*)» [14, с. 104].

Проецируя процитированное положение на названные выше причины возможной «темноты», имеющейся в исходном тексте, можно сказать следующее. «Авторская неясность», будучи изначально рассчитана, если можно так выразиться, на двойственное восприятие со стороны реципиентов, по мысли Гумбольдта, таковой и должна оставаться, и «прояснить» её — значит нарушить авторскую волю. «Темнота» же, вызванная исторической отдалённостью (т. е. сама по себе не входившая в намерение создателя текста), может быть прояснена благодаря более глубокому знакомству с эпохой написания данного произведения и личностью его создателя, но никакого прямолинейно понимаемого «упрощения» передача содержащих её пассажей отнюдь не требует.

Приведённая точка зрения (хотя и сформулированная выдающимся немецким философом и лингвистом без малого два столетия назад) во многом остаётся актуальной и поныне (правда, далеко не всегда восходя непосредственно к Гумбольдту). Характерно, что, говоря о деятельности одного из наиболее выдающихся представителей отечественной школы художественного перевода — М. Л. Лозинского, часто особо подчёркивают его убеждение в том, что «перевод должен быть темен в темных местах подлинника, и притом той темнотой, какой темен подлинник» [3]. Правда, далеко не всегда подобная установка оценивается положительно — достаточно вспомнить резко критическую статью о В. фон Гумбольдте

У. фон Вилламовица-Мёлендорфа [16] или раздающиеся и в наши дни упрёки М. Л. Заболоцкому в «косноязычии» [10].

Не останавливаясь на справедливости или несправедливости последних, мы бы хотели сейчас обратить внимание на несколько другую сторону рассматриваемого вопроса. Речь идёт о том, что между двумя указанными разновидностями «темноты» (условно говоря, «внешней» и «внутренней»), поскольку речь идёт о диахроническом переводе, далеко не всегда можно привести чёткую грань. То, что первоначально могло быть вполне «ясным» (хотя отнюдь не всегда существуют объективные свидетельства того, что оно действительно изначально являлось таковым!), став с течением времени «тёмным», часто начинало восприниматься как «тёмное изначально». Таким образом, оно оказывалось окутанным неким таинственным флером, посягать на который в глазах многих читателей и почитателей значит не просто нарушать сложившуюся традицию восприятия данного произведения, но и прямо его извращать. И, по понятным причинам, чаще всего подобные метаморфозы происходили с текстами религиозного характера, поскольку здесь к собственно культурному аспекту добавляется аспект сакральный.

В этой связи можно вспомнить популярный в Средние века анекдот о некоем сельском пастыре, который, не слишком хорошо зная латынь, привык при чтении Священного Писания прихожанам вместо *sumpsimus* («мы взяли») произносить лишённое смысла («тёмное») слово *titprsimus*. Однако, когда ему указали на ошибку («прояснили тёмное место»), то получили примечательный ответ: «Я не собираюсь менять свой старый *titprsimus* на чей-то новый *sumpsimus*».

В своё время Эразм Роттердамский, отвечая на нападки своих противников из ортодоксально-католического лагеря, отрицавших его перевод Нового Завета как противоречащий в ряде мест Вульгате Иерони-

ма, приводил эту историю как доказательство невежественного обскурантизма последних, уподобляя их этому анекдотическому персонажу [12, с. 403]. Однако, на наш взгляд, дело здесь обстояло несколько сложнее. За «тёмным» *titprsimus* стояла сложившаяся традиция не только в глазах самого не слишком учёного священнослужителя, но и его прихожан, для которых оно стало частью регулярно повторявшегося обряда и, возможно, обрело некое таинственно-возвышенное звучание. Отказ от ставшего привычным, хотя и по-прежнему неясным, слова воспринимался если не как покушение на святыню, то, во всяком случае, как явная её профанация. Иными словами, упорство упомянутого пастыря, будучи абсолютно неоправданным филологически, имело некоторые основания в плане психологическом…

Думается, что в какой-то степени приведённый пример может быть спроектирован и на те дискуссии, которые сопровождали в отечественной культуре «исправление» текстов Священного Писания или создание его новых версий. Поскольку данная проблема сама по себе не является предметом настоящей статьи, напомним только о том, что такое противодействие вызывала и деятельность патриарха Никона в XVII столетии, и создание русской Библии двумя столетиями позже, и, наконец, в наши дни — появление современного перевода Библии под эгидой Российского библейского общества. Кстати, создатели последнего также подчёркивали, что «ясность» их перевода по сравнению с Синодальным (который, обретя силу традиции, превратился за столетие с лишним из сомнительного в глазах многих новшества в текст, который «сегодня за пределами богослужения приобрел статус общечерковного или даже официального перевода Русской Православной Церкви») [8]) связана в том числе и с преодолением именно того, что выше было названо «внешней темнотой»: «...За более чем столетие, прошедшее со временем выхода в свет Синодального пере-

вода, библейская наука значительно продвинулась в историко-филологическом исследовании как Ветхого, так и Нового Заветов. Это позволило более точно передать их содержание в новом переводе, что особенно важно для тех, кто изучает Библию» [1, с. 8]. Напомним, что, как неоднократно подчёркивалось (в том числе и устами высших церковных иерархов), подобного рода деятельность отнюдь не противоречит канонам православия, поскольку «Православная Церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания. Единого общепринятого текста Библии в православной традиции нет» [4], — и что, следовательно, «в этом смысле единственного “подлинника” для перевода Библии нет и быть не может» [6]. Однако думается, что ещё в течение долгого времени знакомиться со Священным Писанием и, тем более, его цитировать отечественные читатели по-прежнему будут либо по церковнославянскому (поскольку речь идёт о вошедших в наш язык устойчивых выражениях), либо по Синодальному тексту, — по-

добно тому, как при наличии нескольких десятков англоязычных версий вне конкуренции с этой точки зрения по-прежнему остаётся Библия короля Иакова (*The King James Bible*). Справедливости ради, стоит, конечно, сказать, что необходимость создания новых англоязычных переводов Священного Писания объясняют наличием значительного количества ошибок, спровоцированных выбором в качестве исходного текста для создания этого перевода не первоисточник, а переводы (причем, не всегда удачные) — в большей степени это касается Нового Завета.

Кроме того, с течением времени, все большую справедливость приобретает суждение о неясности языка Библии короля Иакова, правда исследователи называют историческое развитие языка основной причиной возникающей коммуникативной неудачи между текстом данного перевода и современным читателем. Тем не менее, «темные места» в данной версии Священного Писания, безусловно, присутствуют, и причины их появления, по мнению специалистов, также неоднородны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2011. 1408 с.
2. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. 376 с.
3. Ивановский И. М. Воспоминания о Михаиле Лозинском. Электронный ресурс // <http://magazines.russ.ru/neva/2005/7/ii17-pr.html>. Дата обращения — 20.06.2012.
4. Иларион, митрополит Волоколамский. О значении Священного Писания в современном православном богословии. Электронный ресурс // <http://hilarion.ru/2011/09/10/3837>. Дата обращения — 22.06.2012.
5. Кари Э. О переводе и переводчиках во Франции // Мастерство перевода 1964: Сборник. М.: Советский писатель, 1965. С. 429–463.
6. Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Вступительное слово на конференции «Перевод Библии: лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты». Электронный ресурс // http://ibt.org.ru/russian/info/info_science1.htm. Дата обращения — 21.06.2012.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
8. Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библейских книг. Электронный ресурс // <http://www.bogoslov.ru/text/1456920.html>. Дата обращения — 21.06.2012.
9. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1987. 608 с.
10. Топоров В. Л. Жёсткая ротация. Ч. 138. Электронный ресурс // <http://www.x-libri.ru/elib/topor000/index.htm>. Дата обращения — 21.06.2012.
11. Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: ИД «Аквалионъ»; Издательский Дом «Азбука-Классика», 2008. 448 с.

12. Erasmus of Rotterdam. On New Testament // The Portable Renaissance Reader. New-York: Penguin Books, 1968. P. 401–408.
13. Huetius P. D. From “Two Books on Translation” // Translation/History/Culture. A Source Book. Ed. By A. Lefevere. London& New-York: Routledge, 2003. P. 86–102.
14. Humboldt W. von. [Vorrede]. Aus Aeschilus Agamemnon // Dokumente zur Theorie der Übersetzung antiker Literatur in Deutschland seit 1800. Hrsg. Kitzbichler J., Lubitz K. Berlin: Walter de Gruyter GMBH&Co, 2009. S. 95–115.
15. Tytler A. F. Essay on the principles of translation. Электронный ресурс // <http://www.scribd.com/doc/14755863/On-the-Principles-of-Translation>. Дата обращения — 20.06.2012.
16. Wilamowitz-Möllendorf U. von. Was ist Übersetzen? // Reden und Vorträge. Vol. 1. Berlin, 1925. S. 1–36.

REFERENCES

1. Biblja. Knigi Svjashchennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. Sovremennyj russkij perevod. M.: Rossijskoe biblejskoe obshchestvo, 2011. 1408 s.
2. Budagov R. A. Literaturnye jazyki i jazykovye stili. M.: Vysshaja shkola, 1967. 376 s.
3. Ivanovskij I. M. Vospominanija o Mihaile Lozinskem. Elektronnyj resurs // <http://magazines.russ.ru/neva/2005/7/ii17-pr.html>. Data obrashchenija — 20.06.2012.
4. Ilarion, mitropolit Volokolamskij. O znachenii Svjashchennogo Pisanija v sovremenном pravoslavnom bogoslovii. Elektronnyj resurs // <http://ilarion.ru/2011/09/10/3837>. Data obrawenija — 22.06.2012.
5. Kari E. O perevode i perevodchikah vo Frantsii // Masterstvo perevoda 1964: Sbornik. M.: Sovetskij pisatel', 1965. S. 429–463.
6. Kirill, Mitropolit Smolenskij i Kaliningradskij Vstupitel'noe slovo na konferentsii «Perevod Biblii: lingvisticheskie, istoriko-kul'turnye i bogoslovskie aspekty». Elektronnyj resurs // http://ibt.org.ru/russian/info/info_science1.htm. Data obrashchenija — 21.06.2012.
7. Neljubin L. L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. M.: Flinta; Nauka, 2003. 320 s.
8. Otnoshenie Tserkvi k sushchestvujuyim raznoobraznym perevodam biblejskikh knig. Elektronnyj resurs // <http://www.bogoslov.ru/text/1456920.html>. Data obrashchenija — 21.06.2012.
9. Slovar' inostrannyh slov. M.: Russkij jazyk, 1987. 608 s.
10. Toporov V. L. Zhjostkaja rotatsija. Ch. 138. Elektronnyj resurs // <http://www.x-libri.ru/elib/topor000/index.htm>. Data obrashchenija — 21.06.2012.
11. Chukovskij K. I. Vysokoe iskusstvo. Printsipy hudozhestvennogo perevoda. SPb.: ID «Akvalonъ», Izdatel'skij Dom «Azbuka-Klassika», 2008. 448 s.
12. Erasmus of Rotterdam. On New Testament. // The Portable Renaissance Reader. New-York: Penguin Books, 1968. P. 401–408.
13. Huetius P. D. From “Two Books on Translation” // Translation/History/Culture. A Source Book. Ed. By A. Lefevere. London& New-York: Routledge, 2003. P. 86–102.
14. Humboldt W. von. [Vorrede]. Aus Aeschilus Agamemnon // Dokumente zur Theorie der Übersetzung antiker Literatur in Deutschland seit 1800. Hrsg. Kitzbichler J., Lubitz K. Berlin: Walter de Gruyter GMBH&Co, 2009. S. 95–115.
15. Tytler A. F. Essay on the principles of translation. Уlektronnyj resurs // <http://www.scribd.com/doc/14755863/On-the-Principles-of-Translation>. Data obrawenija 20.06.2012.
16. Wilamowitz-Möllendorf U. von. Was ist Übersetzen? // Reden und Vorträge. Vol. 1. Berlin, 1925. S. 1–36.

E. Ф. Бушковская

МАКС БИРБОМ КАК ПРОПОВЕДНИК ДЕКАДАНСА («ЗАЩИТА КОСМЕТИКИ»)

Рассматриваются особенности творчества Макса Бирбома как представителя английского декаданса, анализируется его общественная и эстетическая позиция. Материалом анализа служит критическое эссе Бирбома «Защита Косметики» (1894).